

Глава 8

«Взбунтуется — так тому и быть. Жить в вечном страхе и стеснении всё равно нет никакого смысла»

Су Лин убеждал себя, что раб не посмеет пойти на убийство. Пока он жив, любая попытка расправы обернётся для подневольного каторгой или казнью — закон всегда на стороне господина.

«Хозяин есть хозяин»

С этого самого мгновения он решил во что бы то ни стало утвердить свой авторитет и как следует вымуштровать эти «два ляна серебра».

— Эй, зови меня хозяином, — потребовал Су Лин.

В его глазах сквозило капризное раздражение, за которым едва скрывалась наивная глупость.

Девятнадцатый, занятый рыбой, поднял на него взгляд. В наступившей тишине его глаза казались изучающими, почти препарирующими. Братец Лин невольно вздрогнул, рука его дрогнула, и чашка с ухой едва не выскользнула из пальцев.

Юноша невольно втянул голову в плечи, но тут же упрямо надулся. Неужели даже купленный за собственные деньги слуга будет помыкать им?

Вспыльчивый нрав взял верх. Отбросив осторожность, Су Лин выкрикнул:

— Я велел тебе звать меня хозяином! Ты что, оглох?!

Мужчина отложил рыбу и слегка прищурился, глядя на господина. Юноша от испуга залпом проглотил остатки ухи.

— Что... что? — пролепетал он, широко распахнув свои миндалевидные глаза. — Неужто посмеешь ослушаться приказа?

После недолгого молчания раб наконец произнёс:

— Можешь называть меня Девятнадцатым.

«Да кому есть дело, как тебя зовут!»

Су Лину было неловко — его попытка добиться подчинения с треском провалилась, и на душе стало совсем тошно. Поставив чашку, он схватил Сяо Хэя, который как раз увлечённо допивал

остатки бульона.

— Раз ешь моё, значит, должен слушаться и звать хозяином! Слышишь?! — обиженно проворчал он.

Чёрный щенок, которого внезапно оторвали от трапезы и встряхнули, недоуменно уставился на Су Лина своими глазами-бусинками.

— А ну, зови хозяином! — настаивал юноша. — Съел мои пампушки, пошёл за мной в дом — значит, я твой господин.

Заметив серьёзный и недовольный вид Су Лина, пёсик жалобно заскулил и заискивающе замахал хвостиком.

— Хозяин! Ну же, скажи!

Сяо Хэй окончательно растерлся и завыл ещё печальнее. Братец Лин вздохнул — сердце его смягчилось. Он несильно хлопнул пса по голове.

— Глупая скотина, человеческой речи не понимаешь. Ну и ладно, не называй.

Договорив, он украдкой взглянул на Девятнадцатого, всё ещё жарившего рыбу.

«Тот, кто ругает собаку, на самом деле целится в человека», — намёк был более чем прозрачен, но мужчина будто и не заметил шпильки. Он спокойно продолжал заниматься делом.

Вскоре аромат специй смешался с запахом шкварчащего рыбьего жира. Когда амур зажарился до золотистой корочки, Су И отложил ветки, снял рыбу с огня и выплеснул ведро воды на угли, гася пламя.

Затем на чистом плоском камне он разделил добычу: Су Лину достался хвост, а себе мужчина взял более мясистое брюшко.

— Ты подсовываешь хозяину хвост, а сам ешь брюшко? — юноша с возмущением уставился на свою порцию.

Вообще-то он не был мелочным, но сейчас упрямство взяло верх — он решил во что бы то ни стало переспорить свои непокорные «два ляна». Однако раб его снова проигнорировал. Су Лину ничего не оставалось, кроме как приняться за рыбу, яростно вгрызаясь в мясо, будто он мстил самому Девятнадцатому.

Разумеется, он тут же подавился костью. Бедняга закашлялся, и на глазах у него выступили слёзы. С трудом проглотив злосчастную косточку, юноша решил поумерить пыл — в конце концов, воевать с мёртвой рыбой было верхом глупости.

Когда он наконец отдышался и поднял голову, то увидел, что Девятнадцатый уже тщательно выбрал все мелкие косточки из его порции и выложил чистое мясо на камень.

«Неплохо справляешься», — гнев «рыбы-ежа» Су Лина немного утих.

Мяса на хвосте было немного, но оно оказалось удивительно нежным и сочным — куда вкуснее, чем у головы. Юноша просто не знал, что у каждой рыбы есть свои лучшие части: у карпа — губы, а у амура — именно хвост.

Девятнадцатый ел быстро. Закончив, он взял таз и тряпку и принялся за уборку. Хоть он и общался с Су Лином лишь при крайней необходимости, работал мужчина споро и ловко.

Су Лин доедал рыбу, наблюдая за тем, как Девятнадцатый снуёт туда-сюда. Юноша взглянул на гору Хэй, за которую уже садилось багровое солнце, и тени лесов показались ему не такими уж пугающими.

Солнце скрылось за горизонтом, уставшие птицы вернулись в гнёзда. Над крышами деревни потянулись струйки дыма — крестьяне, закончившие дела в поле, расходились по домам ужинать.

Старший Ши, Ши Синчжу, вернувшись домой, застал свою жену за оживлённой беседой с самой известной сплетницей деревни — бабкой Цин. Кивнув гостье, он прошёл на кухню, но обнаружил там лишь холодную печь. В доме было темно, огня не зажигали.

Желудок мужчины требовательно заурчал. Слушая доносившийся со двора шум пустых разговоров, он почувствовал, как закипает раздражение. Ши Синчжу жадно выпил ковш воды из ведра, пытаясь унять голод и гнев.

Жена языком чешет вместо того, чтобы обед готовить, дети изнеженные, словно господские отпрыски, сидят по комнатам и носа не казывают, а ведь там ещё семидесятилетняя мать ждёт еды... Терпение главы дома лопнуло.

— Этот братец Лин совсем стыд потерял, — вещала тем временем Ши Цинъюнь. — Спутался с каким-то бродягой, да ещё и приплод притащил... Как думаешь, позволит ли глава клана такому остаться в деревне?

Юань Цзинцуй, всласть наговорившись, уже обрела привычное самообладание и теперь лишь сокрушённо качала головой:

— Кто знает... Бедный мой деверь, такая горькая участь! Жена рано померла, а единственный гээр пустился во все тяжкие.

— Эй, хозяйка! Рис в доме кончился, — оборвал их разговор Ши Синчжу.

— Ох, надо же, заболтались мы, я и не заметила, как стемнело! Задержала я тебя, — спохватилась Ши Цинъюнь, верно расценив тон хозяина.

В деревне Уси было принято: как только в чужом доме начинают готовить ужин, гостям пора и честь знать.

— Да брось, оставайся, — неискренне предложила Юань Цзинцуй. — Правда, из еды почти ничего нет.

— Ну уж нет, ваш дом — полная чаша, не прибедняйся. Пора мне, — откланялась бабка Цин.

Едва проводив гостью, Юань Цзинцуй столкнулась с мрачным взглядом мужа.

— Ну чего ты? Подумаешь, один раз про обед забыла, а лицо такое, будто ты сам судья из преисподней.

— Я по дороге слышал, что люди болтают про тебя и Лина.

Ши Синчжу тяжело вздохнул и продолжил:

— Ты всегда была женщиной хваткой, как же ты в таком важном деле не сдержалась? Теперь ты выгнала парня в старый дом. А если семья Юань придёт за ним, как ты его отдашь? Или ты готова вернуть те десять лянов, что они уже заплатили?

Он подошёл ближе, понизив голос:

— И не верю я, что у Ши Синсяня ничего не осталось. Он так баловал этого мальчишку, не мог он оставить его нищим. В аптеке счета пустые — это ж сказки! Наверняка припрятал денюжку для любимого сына. Своей выходкой ты только дала повод остальным тёткам прикинуться добрыми и прибрать всё к рукам. Ты хоть понимаешь, что мне на стройке по семьдесят вэней в день платят? Чтобы десять лянов заработать, мне полгода с утра до ночи спину гнуть надо!

Юань Цзинцуй молча разводила огонь и мыла котел. Она и сама уже понимала, что погорячилась. В глубине души она горько жалела о своей несдержанности — мысль о том, что другие родственницы Су Лина могут воспользоваться ситуацией, терзала её не на шутку.

«Всё этот паршивец Лин... Язык у него больно острый, сдержаться невозможно!»

— Ты ещё и на всю деревню раззвонила, что он с мужиком спутался и брюхатый. А ну как семья Юань откажется от него? Что тогда делать будешь?

Муж всё не унимался, и Юань Цзинцуй наконец со звоном швырнула кочергу на пол.

— Хватит! Найду я выход! Что толку меня пилить? От твоих слов десять лянов в кошельке не прибавятся! Только и умеешь, что на бабу орать. Синсянь умел деньги добывать, а ты, старший брат, только ныть горазд!

Этой ночью в доме Ши Синчжу свет не гасили до самого рассвета — обычно экономные крестьяне жгли свечи одну за другой, пока муж и жена за закрытыми дверями выясняли отношения. И лишь когда их сын, устав от шума, со злостью пнул дверь в их комнату, в доме наконец наступила тишина.

<http://bllate.org/book/15320/1354524>